

УДК 39 (398.41)

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-3-557-566

**Причастны к рождению новой жизни:
кузнецы в мифологических представлениях селькупов**

О. Б. Степанова

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
stepanova67@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается проблема образа кузнеца в мифологии селькупов. Исследований этого образа не проводилось; в имеющихся материалах по селькупской мифологии образ кузнеца плохо различим, не акцентирован и требует выявления и раскрытия. Исследование решает одновременно две задачи – утилитарную и фундаментальную: способствует формированию новой этничности современных селькупов и создаёт описание одного из элементов традиционной селькупской культуры.

Цель статьи: систематизировать представление о кузнецах, выявить особые характеристики в мифологических представлениях селькупов, в их образе с точки зрения этногенетического подхода.

Материалы исследования. Работа написана по материалам селькупской мифологии, содержащимся в трудах Е. Д. и Г. Н. Прокофьевых, Г. И. Пелих и других учёных, а также на основе фольклорных текстов, собранных автором во время экспедиций к селькупам. Ориентиром в пространстве темы служил ряд публикаций о кузнецах в мифологических системах народов мира.

Результаты и научная новизна. В ходе исследования было выявлено, что главным кузнецом в селькупских мифологических представлениях выступает женщина – верховное божество, мать всего сущего, солнечно-огненная старуха, предок селькупов. Будучи хозяйкой огненного мира, она кузнечным молотом и кузнечными щипцами перековывает человеческие души, переходящие границу миров в моменты рождения и смерти. Её жизнедеятельные качества переняли все прочие мифические кузнецы. Новизна исследования состоит в том, что образ кузнеца в селькупской мифологии в нём рассматривается впервые.

Ключевые слова: селькупы, мифологические представления, образ кузнеца, кузнечество, кузнецы-шаманы, образ солнца, образ огня, образ старухи-предка.

Благодарности: Автор выражает глубокую признательность всем информантам, а также анонимным рецензентам своей работы.

Для цитирования: Степанова О. Б. Причастны к рождению новой жизни: кузнецы в мифологических представлениях селькупов // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 557–566.

**Involved in the birth of a new life: blacksmiths
in the mythological representations of the Selkups**

O. B. Stepanova

*Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation,
stepanova67@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers the problem of the image of a blacksmith in Selkup mythology. This image has not yet been subjected to investigation; in the materials, available in Selkup mythology, it is not accented, not visible, and requires identification and disclosure. The research is carried out within the framework of a fundamental and at the same time utilitarian tasks: it contributes to the formation of a new ethnicity of the modern Selkups and creates a description of one of the elements of traditional Selkup culture.

Objective: to identify and consider the image of a blacksmith in the traditional representations of the Selkups.

Research materials: the work is based on the materials of Selkup mythology contained in the works of E.

D. and G. N. Prokofievs, G. I. Pelikh and other scholars, as well as on the basis of folklore texts collected by the author during expeditions to the Selkups. The reference point in the theme space was a series of publications about blacksmiths in the mythological systems of the peoples of the world.

Results and novelty of the research: the study revealed that the main blacksmith in Selkup mythological ideas is a woman – the supreme deity, the mother of all, sunny and fire old woman, the ancestor of the Selkups. Being the mistress of fire world, she forges a human soul crossing the border of the worlds at the moments of his birth and death with a blacksmith's hammer and tongs. All other mythical blacksmiths adopted her qualities giving life to people. The novelty of the research lies in the fact that the article first considers the image of a blacksmith in Selkup mythology.

Key words: Selkups, mythological ideas, the image of a blacksmith, blacksmithing, blacksmiths shamans, the image of the sun, the image of fire, the image of an old ancestor woman.

Acknowledgements: the author expresses deep gratitude to all informants, as well as anonymous reviewers of the work.

For citation: Stepanova O. B. Involved in the birth of a new life: blacksmiths in the mythological representations of the Selkups // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (3): 557–566.

Введение

За последние полвека под влиянием процессов интеграции и унификации традиционные культуры народов России претерпели серьёзные изменения. Сегодняшний день для многих народов вывел на передний план проблему культурного самосохранения, самоопределения и формирования современной этничности. В стороне от этой проблемы не остались и народы Западной Сибири – обские угры, ненцы, энцы, кеты, селькупы и др., в данный момент у них происходит процесс собирания и переосмысления традиционной национальной культуры. Это делает актуальным изучение различных тем западносибирской этнографии, истории, а также фольклора [6; 11].

Исследования по западносибирской мифологии востребованы на уровне фундаментальной науки. Изучение фольклора позволяет восполнить пробелы в описании и характеристике отдельных элементов и явлений культуры этносов. Исследования по фольклору народов Западной Сибири представляют значительный интерес для развития сибиреведения и этнографии в целом.

Данное исследование направлено на описание и характеристику образа кузнеца в мифологических представлениях селькупов. Главного селькупского мифологического кузнеца отличает то, что он является, на первый взгляд, неприметной ипостасью крупного и значительного образа, заслонившего его своими яркими и развёрнутыми характеристиками. Поэтому в задачи исследования входит выявление/«открытие» образа кузнеца, «обналичивание» свя-

зей кузнеца с другими ипостасями воплощающего его божества, анализ и всестороннее описание всех специфических качеств кузнеца и, в конечном счёте, «узаконивание», «фиксация» его образа в селькупской мифологии, этнографии и фольклористике. Новизна статьи определяется тем, что ещё никто из исследователей не предпринимал попыток изучения мифологического образа кузнеца у селькупов и не публиковал его результатов.

Кузнецам и кузнечеству в мифологических представлениях народов мира посвящено немало работ [24; 25; 26; 27 и др.]. Вяч. Вс. Иванов в энциклопедии «Мифы народов мира» на основе анализа целого ряда трудов по мифологиям народов разных континентов вывел сводную характеристику образа кузнеца, согласно которой: 1) кузнец наделён созидательной силой, связанной с огнём, стихией огня; 2) обладает функцией демиурга – верховного божества или его бога-помощника; 3) нередко выступает как создатель светил – солнца и луны; 4) может быть воплощением как небесного огня – солнечного и грозного, так и подземного; 5) изготавливает не только любые орудия из металлов, но и волшебное оружие героев; 6) закаляет героев в металле, сообщая им неуязвимость, чинит их тела [5, 21–22]. Приведённая характеристика может служить главным теоретическим ориентиром для всех будущих исследований образа кузнеца в мифологиях разных народов.

Сибирская историография темы мифических кузнецов невелика и насчитывает всего два отдельных аналитических исследования. На якутском, бурятском и долганском материале – кратко – в параграфе «Шаманы и кузнецы»

мифических кузнецов рассматривал М. Eliade [23]. Сопоставляя сибирский материал с африканским, индийским, китайским и т.д., он сделал два интересных для данной работы вывода: 1) мифические кузнецы отождествляются с шаманами; 2) наиболее яркие и масштабные образы мифологических кузнецов наблюдаются у народов, имеющих давние и богатые металлургические традиции. Якутский исследователь В. Е. Васильев изучал якутскую триаду «кузнец-шаман-воин», выделив сходство и различие её персонажей в фольклоре и обрядах [2].

Публикация данного исследования в специализированном издании по угроведению делает необходимым упомянуть также две небольшие (описательные) энциклопедические статьи о популярном у нескольких групп обских угров духе-покровителе *Чохрын ойка* (*Сёхринг-ойка*), «олицетворяющем кузнечество» [1; 18]. *Чохрын ойка* – «нож-старик», «мирный кузнец, хотя и делает оружие», но не любит крови, помогает излечивать болезни, решать мелкие проблемы во время путешествий по воде, искать пропавших в лесу оленей. Отличительный атрибут приношения *Чохрын ойка* – нож с лезвием, обмотанным куском ткани, воткнутый в ствол дерева. По своим признакам *Чохрын ойка* принадлежит к категории лесных духов – менквов и не относится к общеугорским духам высшего разряда. Скромный масштаб образа кузнеца и отсутствие в пантеоне обских угров крупных образов, связанных с кузнечеством, позволяют думать, что у праугров металлургическое производство было развито слабо.

Материалы и методы

Основные материалы для исследования фигуры кузнеца в мифологических представлениях селькупов были взяты из научных трудов этнографов-селькуповедов Г. Н. Прокофьева [12], Е. Д. Прокофьевой [13; 14; 15; 16; 17], Г. И. Пелих [8; 9; 10] и энциклопедии «Мифология селькупов» [7]. Так получилось, что образ главного мифического кузнеца в этих работах если и упоминается, то вскользь, кузнец в них не виден, не акцентирован, создаётся впечатление, что ему забыли или не посчитали

важным и возможным дать отдельную, хотя бы краткую, характеристику. Поэтому при написании статьи эти работы использовались только в качестве источника, с помощью которого «собирался» образ кузнеца. К источникам исследования относятся также материалы архива Прокофьевых, хранящиеся в МАЭ РАН¹.

Среди основных методов исследования следует назвать методы описания и реконструкции, так как характеристика образа кузнеца складывалась из разрозненных сведений, рассредоточенных по всему объёму названных материалов. Большая часть информации об образе была косвенной, для поиска и интерпретации её связи с образом применялся анализ, учитывающий принцип топологизации или тождественности различающихся по форме мифологических образов (объясняющий, в частности, такую закономерность, как воплощение божества в главных его атрибутах), а также теорию бинарных оппозиций, согласно которой архаическое мышление описывает мир с помощью пар противоположных символов или признаков. Широко использовались в работе типологический и сравнительный методы: каждое найденное в материале новое свойство кузнеца сопоставлялось с аналогичным свойством из сводной характеристики образа кузнеца, сделанной Вяч. Вс. Ивановым. В ходе исследования применялся системный/комплексный подход: анализу подвергались разные составляющие традиционной культуры селькупов – фольклор и обряд, приметы и запреты. Автор обращалась также к собственному опыту анализа образов селькупской мифологии [20; 21; 22].

Результаты

В модели селькупской Вселенной кузнецы – мудрые лысые люди – живут на небе [17, 111]. По другим сведениям, кузнецов на небе трое, но лысый (головершинный) среди них только один, это главный кузнец и мудрец. Работа небесных кузнецов – ковать наконечники стрел, копий и подвески к шаманским костюмам. В своём трудовом процессе они используют жаровню, меха, наковальню, клещи и молот.

¹ Архив Музея антропологии и этнографии (АМАЭ), К-1, Оп. 1; Ф. 6, Оп. 1.

Главный кузнец оттачивает выкованные своими подручными предметы. Для хранения угля у небесных кузнецов имеется отдельное помещение. Кузнецы относятся к категории предков племени, связанных с материнским родом. В линейном представлении о мире кузнецы находятся в верхнем течении реки, у дома матери-прародительницы селькупов *Илынтылькота* [16, 65]. Когда совершается церемония оживления нового шаманского бубна, мифические кузнецы – шаманские тесть с зятем (рода Орла тесть и рода Кедровки зять) – изготавливают для бубна и паркы железные подвески и изображения духов, а также другие части шаманского костюма – корону, посох и пр. Выдача всех этих железных частей шаманского обряжения всецело зависит от кузнецов, которые соотносятся с опытом и способностями шамана, давая или не давая ему тот или иной предмет. Процессия участников церемонии встречается с кузнецами «на пороге» жаркой каменной страны, недалеко от жилища старухи-свояченицы, покровительницы всего племени селькупов *Ылында (Илынтыль)кота* [12, 367–371]. Л. А. Варковицкой была записана сказка, в которой кузнец, помогая мальчику-герою, снабжает его новым железным лицом и железной спиной [7, 148–150, 308]. На этом весь материал, в котором прямым текстом говорится о кузнецах, заканчивается.

Однако в трёх своих работах Е. Д. Прокофьева повторяет один и тот же краткий, но очень яркий, недвусмысленный и нетипичный для мифологий других народов сюжет, который заставляет взглянуть на селькупский образ кузнеца по-новому. В этом сюжете главное божество селькупского пантеона старуха *Илынтылькота* кузнечным молотом [16, 55–56], мечом [17, 111] или кузнечными щипцами¹ разрубает спаявшихся кольчугами героев, когда в пылу поединка они поднимаются наверх и оказываются в огненном мире. Стало быть, одним из обликов селькупской старухи-первопредка, орудующей кузнечными молотом и щипцами, может быть обличье кузнеца? Старуха-предок – кузнец? Кузнецом у селькупов выступает женщина? – По-видимому, да, что подтверждается расположением кузнецов на карте мифической

Вселенной: они живут поблизости с местом, где стоит дом старухи, где растёт её священное дерево. Она – хозяйка, покровительница и прародительница кузнецов, а они её спутники, «атрибуты», и, следовательно (по законам мифосложения), она сама может в кузнеца воплощаться. Неслучайно также, что жилище старухи – огромный дом с множеством внутренних помещений – сделан он из «чёрного железа» и обнесён стальным забором [12, 367, 371; 16, 56, 61; 17, 111].

Собственно, если «положить» старуху из сюжета с разрубанием спаявшихся героев на клише образа кузнеца, разработанное Вяч. Вс. Ивановым, необычным в нём останется лишь то, что кузнецом выступает женщина. В остальном сюжет абсолютно типичен: быть кузнецом для верховных божеств в мифологических представлениях других народов считается в порядке вещей. Объяснить селькупскую священную женщину-кузнеца можно архаичностью образа старухи и селькупских мифологических представлений (сохранивших в себе много древних старух-хозяек) в целом. Какие ещё качества сближают мифическую старуху-предка с кузнецами?

Священная селькупская *Илынтылькота* – мать всего сущего, дух-первопредок. Это солнечный образ, живёт она на небе, она хозяйка солнца и само солнце. Селькупы говорят, что солнце людей «содержит». На кончике утреннего луча-птицы старуха-солнце посылает на землю душу человека, которому суждено родиться. Солнечный луч – *ильсат* – то, что оживляет, жизненная сила [16, 66; 17, 107]. Солнце селькупы называют словом *тельд* – «солнце родившее». Образ *Илынтылькота* амбивалентен – она не только даёт человеку жизнь, но и забирает её: родившемуся дарит колыбель, а умершему гроб-колоду [16].

Образ солнца в селькупской мифологии неразрывно связан с образом огня: «Солнце живо – на нём огонь», – говорят селькупы². «Огонь имеет тело, глаза. Дрова – это его еда. Огонь в доме надо подкармливать, он ест всё, что и люди» [7, 289–290]. В предании, записанном Е. Д. Прокофьевой, женщина-мать, ребёнка которой обожгла искра костра, изрубила

¹ Прокофьева Е.Д. Рук. отдельные главы монографии «Селькупский фольклор» // АМАЭ, К-1, Оп. 1, Ед. хр. 118, Л. 98.

² Прокофьев Г.Н. Полевой дневник. С. Монастырское, с. Янов Стан. Туруханский р-н Красноярского края // АМАЭ. Ф. 6, Оп. 1, Ед. хр. 8, Л. 10–12.

костёр топором и залила его водой. Огонь потух во всех чумах стойбища. Замёрзли женщины и дети. Бабушка-свекровь виновницы несчастья опустила на колени над очагом и далеко внизу, в темноте разглядела старуху – огня-пламени хозяйку («кожа её как огонь горит»). Хозяйка огня после долгих уговоров согласилась вернуть людям огонь, но при условии, что обидчица отдаст ей за это своего сына [15, 79]. Образ хозяйки огня контрастен: она присматривает за детьми в отсутствие дома их матери [7, 291], при помощи своих детей-костров она обогревает и кормит людей [10 28], но «если она пожар в лесу, она злая» [19, 53]. Она может быть и беспощадно жестокой: «ни один смертный человек не может заглянуть матери огня в глаза и остаться в живых; под её взглядом всё обращается в уголь и в пепел» [10, 28].

К огню селькупы относятся с почтением, уважением: не разрешается бросать в огонь мусор, шевелить его железными предметами, обходить против солнца; запрещено вешать над огнём нечистые предметы, например, женскую обувь. Запреты распространяются и на дрова – пищу огня. Нельзя бросать дрова в местах, где люди могут через них перешагивать и этим их осквернять [15, 66].

Категоризация амбивалентного образа солнца происходит также в противопоставлении его образу старухи, олицетворяющей холод, осень и зиму, мир (ярус) вечной мерзлоты в модели Вселенной, ночь, смерть и луну [9, 14; 10, 9, 27, 29, 39]. Поскольку всякое противопоставление объединяет, можно сказать, что эта старуха – то же солнце, но с другим знаком.

Селькупы полагают, что «в земле огонь, там горячо»¹. По материалам Г. И. Пелих, огонь заполняет пространство шестого яруса подземного мира. Этот огонь поднимается по корням и стволу мирового дерева, поэтому на его ветвях вырастают вместо плодов огненные шары – солнца [10, 24]. Красное огненное море плещется между железными и каменными берегами. Железо этого берега раскалено докрасна, а камни пылают белым светом. Этот раскалённый, пылающий бело-красными огнями берег кровавого моря селькупы называют *вэзонкорит* [10, 22, 27, 28, 68]. По материалам Е. Д. и

Г. Н. Прокофьевых, место обитания старухи-прародительницы *Илынтыль коты* связывается с морем с кровавой водой (озером, «красной речки берегами»), оно расположено в жаркой (где светят семь солнц) стране предков селькупов. В вертикальной модели Вселенной мир предков находится на самом последнем ярусе неба или подземелья, а в горизонтальной – в верховьях или низовьях реки [12, 370–371; 13, 104; 16, 58, 60, 68; 17, 112]. Таким образом, в селькупской модели Вселенной присутствуют (верхний и нижний) огненные миры, а главное божество селькупов – мать всего сущего, солнце и огонь – является хозяйкой и воплощением огненного инобытия. Именно здесь священная старуха разрубает в пылу битвы спаявшихся кольчугами внуков.

Селькупская божественная старуха – громовержец. По данным Г. И. Пелих, солнце, когда лучом, когда молнией бьёт в злых духов – *лозов*, выползающих из под земли [8, 136]. Старушки-селькупы рассказывали автору о старухе, которая живёт на небе и ругается со своим стариком, – тогда она гремит своими сковородками, от чего происходят грозы с громом и молниями. «Бог бросает с неба *тищица* – гром, пули, стрелы. Бог этим стреляет в нижних людей – *лосов*. *Кэсыл кома* – железная стрела. Гром и молнии без дождя – это стрелы» [19, 54].

То есть старуха воплощает в себе демиурга-жизнедателя, её образ – эквивалент образа солнца и огня, во всех его проявлениях. Теми же качествами обладают мифические кузнецы из сводной характеристики Вяч. Вс. Иванова.

Как уже говорилось, старуха *Илынтыль коты* посылает/бросает на землю души людей для рождения. В длинном ряду мифологических образов человеческих душ выделяются образы, связанные с её огненно-кузнечной ипостасью. К ним относятся уже упоминавшиеся солнечные лучи, а также звёзды («когда звезда падает с неба, человек рождается, а когда появляется на небе, умирает»), кровь (в сказке о старухе, возвратившей людям огонь, и в описаниях огненного мира огонь соотносён с кровью, а «потеря крови грозит смертью, кровь – это жизнь» [17, 127]) и железные стрелы [9, 64; 4, 50].

¹ Прокофьев Г.Н. Полевой дневник. С. Монастырское, с. Янов Стан. Туруханский р-н Красноярского края // АМАЭ. Ф. 6, Оп. 1, Ед. хр. 9, Л. 5.

Эпитет «железные» в мифологии селькупов имеют, как правило, кости человеческого скелета, они также служат образом души. Железные подвески шаманского костюма, изображающие позвоночник, ребра, кости голени, стоп, плеч, предплечьев, пальцев, суставов, «дыхательного горла» и пр. составляют скелет камлающего шамана [14, 342–375]. Костюм селькупского шамана представляет собой его второе «я», вторую душу и тело, в этом теле во время сеанса камлания он путешествует по иным мирам. Подвески, изображающие скелет шамана, а также шаманское сердце, шаманских духов-помощников (от последних тоже напрямую зависит жизнь шамана), выковываются и оживляются кузнецами [12, 370]. Во многих фольклорных текстах подчёркивается, что железное оружие и кольчуги из железа спасают своих хозяев в битвах с врагами. Т.е. в мифологических представлениях селькупов не только старуха выступает жизнедательницей – все кузнецы «причастны к рождению новой жизни».

В образе огненного мира, в котором хозяйничает старуха, очень напоминающего кузнечный горн, содержится прямой намёк на то, что человеческие души не просто там хранятся, а переплавляются, перековываются, обновляются. Обновление, превращение – неизбежная процедура для людей, готовых родиться или умирающих, т.е. находящихся в процессе перехода границы этого и того миров, бытия и инобытия. Переплавляет и перековывает души, по-видимому, сама мать-кузнец, работая кузнечными молотом и щипцами (как в случае со спявшими героями), или кузнецы – её помощники (когда, к примеру, куют шаманские подвески или кольчуги). Ведь неспроста кроваво-красное огненное море плещется в этом мире между раскалёнными докрасна железными (и добела каменными) берегами: кровь и железо материал человеческих душ, а рождение новой жизни – главная функция как кузнеца-старухи, так всех кузнецов вообще.

Таким образом, через образ священной старухи-кузнеца селькупское мировоззрение транслирует свою главную идею – бессмертия и круговорота жизни во Вселенной, циклического перехода души человека от инобытия к бытию. Для данного исследования интересен

также другой вывод: такой значительный и яркий образ священного кузнеца, божества, от которого зависит жизненность человека, мог дать только народ с развитой в прошлом металлургической культурой. Этот вывод подтверждается археологическими материалами [3, 311].

Фигура солнечной старухи – хозяйки Вселенной очень архаичная, она древнее всех других мифологических образов. Со временем старуха, оставшись в пантеоне (новое в мифологии не отменяет старого), породила ряд образов-заместителей, в которых повторились какие-то из её качеств. Исследуя образ кузнеца, логично будет рассмотреть, кому из младших персонажей селькупской мифологии старуха-солнце передала больше всего «кузнечных» характеристик.

В мифологии селькупов есть персонаж, имя которого созвучно названию железа *кэсы/kesa* [7, 148, 248]. Зовут его *Кызы*, вариантами его имени являются *Кыз, Кысы, Кыс, Касы, Кысе, Кэзы, Кэды, Кызур-матур, Хозыр-матур*. Следует выяснить, есть ли между этим персонажем и железом/кузнечеством другая связь, не по имени, а по характеристикам образа.

По материалам Е. Д. Прокофьевой, *Кызы (Кысы, Кассы)* – злой антропоморфный дух, причиняющий селькупам всяческие беды, несущий тьму и холод. Он питается человеческими душами [16, 68]. Живёт он в подземном мире. На рисунке, изображающем камлание шамана, *Кызы* идёт из нижнего мира со своим войском – «кровавых людей полчищем» [16, 72]. Эти красные люди живут по берегам красного моря [16, 58, 73]. Но хозяйка потустороннего, в том числе нижнего мира, и также красного моря – огненная старуха, следовательно, *Кызы* заместил её на «должности» повелителя подземелья.

В предании, записанном Г. И. Пелих, богатырь по имени *Кыс*, имеющий антропоморфную и орнитоморфную ипостаси, выступает основателем одной из половин селькупского народа, фратрии Кедровки, перемещается жить под землю и приобретает образ чудовища. Раньше *Кыс* был одним из селькупских богатырей – *матуров*, а потом ушёл в землю. Это произошло во время борьбы селькупов с ненцами, селькупы потерпели поражение и были окружены. Селькупские богатыри превратились в

птиц и улетели. Один богатырь превратился в Глухаря, второй в Лебеда, – они улетели к русским, а третий – *Кыс*, превратился в Кедровку, улетел под землю и превратился в чудовище *калагу* (щуку-мамонта). Под взглядом чудовища *калаги* погибает всё живое на земле [10, 34]. Мамонт в селькупской мифологии – ипостась матери-земли, всё той же хозяйки Вселенной, следовательно, *калага*-мамонт, живущий под землей, тоже один из её образов. *Калага/Кыс* имеет связь с железом, из которого обычно делается его изображение.

Образозамещение владычицы Вселенной в функции хозяйки нижнего мира мужским персонажем *Кызы* можно доказать и третьим путём. *Кызы* – главное (тотемное) божество фратрии Кедровки: словом ‘*касы, казы*’ у селькупов называют кедровку [14, 351; 16, 65]. В церемонии оживления бубна, описанной Г. Н. Прокофьевым, возвращаясь из «путешествия» в верхний мир, люди Кедровки делают поворот против солнца [12, 371]. Обход чего-либо против солнца – символическое действие, которое условно маркируется отрицательным знаком, оно устанавливает родство его участников с нижним миром; кроме того, символом нижнего мира считается у селькупов кедр [17, 115].

Дух *Кызы*, безусловно, один из главных заместителей хозяйки Вселенной, явно связанный с железом, но очевидных признаков кузнеца в нём нет. В чём они ещё могут проявляться? Все мифологические кузнецы других народов громовержцы. Дух *Кызы*, как и его прообраз, вроде бы тоже громовержец. Пущенные им стрелы совершают великие дела: «*Кызур-матур* имел очень сильный лук. Он мог пробить стрелой все семь ярусов земли. Однажды он выстрелил из лука в Полярную звезду, но его стрела упала на водоразделе рек Сыма и Таза. Она пробила все семь ярусов земли и упала в воду мирового океана. Через отверстие, пробитое этой стрелой, пошла вода, и образовалось большое озеро Колдто. А сам *матур* окаменел и ушёл под землю» [10, 65]. Этот сюжет даёт ещё одно объяснение, как *Кызы* оказался под землёй, и в то же время заставляет усомниться в его характеристике громовержца. Пущенную им стрелу не сопровождают ни гром, ни молнии. И летит она не с неба на землю, а с земли в небо и лишь затем падает на землю, пробивая её.

В селькупском пантеоне есть образы громовержцев (помимо старухи-первопредка) более явные. Первый из них *Ича*, составляющий оппозицию *Кызы*, защитник селькупов от всякого зла, преимущественно от *Кызы*, не менее сложный, чем *Кызы*, образ. Другие образы разработаны хуже, это *Нум* – мужское божество, воплощавшее в себе небо, *Каль-нум* – человек-конь, превращённый его отцом *Нум’ом* за драчливость в оленя, (к слову, у *Каль-нума* было одно железное ребро), и *Кан* (*Кок, Кон*), превращённый отцом-*Нум’ом* в собаку [10, 35–39; 17, 109–110]. Все эти божества – небожители и создают грозы с громом и молниями. Однако ничего от кузнецов, кроме этого свойства, в них нет, и «железного» тоже немного.

Таким образом, духом самого высокого положения, заместившим частично божество-первопредка, духом, в котором сила железа подчёркнута и в имени, и в содержании, является, несомненно, *Кызы*. Ему больше других подходит роль кузнеца, и, возможно, он таковым и является, но лишь возможно, поскольку ни одного сюжета, где бы *Кызы* хотя бы держал в руках кузнечные щипцы и молот, нет. Старуха-первопредок так и остаётся самым ярким кузнецом в селькупском пантеоне.

После проведённого анализа образа кузнеца нет нужды объяснять, почему кузнецам селькупы приписывали магические способности, приравнивая их к шаманам; фольклорные кузнецы у селькупов, разумеется, шаманы, во многих шаманах проступают черты кузнецов: «Другой старик шаманить начал. Голова у него стальная будто, нет ни одного волоса» [17, 126], – как уже говорилось, кузнецы в представлениях селькупов «мудрые лысые люди». Ещё одна интересная деталь: вместо бубна во время камлания селькупские шаманы иногда использовали кузнечные меха.

Обсуждение и заключение

Итак, в результате исследования в мифологических представлениях селькупов был выявлен образ кузнеца. Селькупское мировоззрение сохранило очень архаичные представления об устройстве мира, поэтому кузнецом в селькупской мифологии выступает старуха. Она верховное божество селькупов, первопредок,

демиург и воплощает собой солнце и огонь. Старуха дарует и забирает людские жизни/души. Она хозяйка огненного мира-инобытия, из него в час рождения человеческие души приходят на землю и в него возвращаются после смерти. «Оболочкой» – берегами – этого мира служат раскалённые камень и железо, между ними плещется кипящее железно-красное море. В этом мире мать-кузнец или её помощники-кузнецы переплавляют и перековывают (железные) души людей, готовых к переходу в новое жизненное состояние. Через образ кузнеца мировоззрение селькупов объясняет идею бессмертия человеческой души и круговорота жизни во Вселенной. Кузнецы в мифологических представлениях селькупов

– божества, «причастные к рождению новой жизни».

Воплощение кузнеца в женщине не типично для мифологий мира, где кузнецами выступают всегда мужские персонажи. Образ старухи-прародительницы – единственный подробно разработанный образ кузнеца в мифологии селькупов. В мужских образах божеств-заместителей, частично воспринявших характеристики матери-предка, можно лишь предполагать кузнецов. Мужские образы, пытающиеся заместить мать-предка в роли кузнеца, до конца не сформировались, причина этого, а также объяснение их многочисленности и похожести, думается, кроется в этногенетических коллизиях селькупского народа.

Список источников и литературы

1. Бауло А. В. Сёхринг-ойка // Мифология манси. Новосибирск: ИЭА СО РАН, 2001. С. 129–132.
2. Васильев В. Е. «Хан первым ударял молотом по наковальне...» О триаде «кузнец – шаман – воин» // ИЛИН. Исторический, культурологический журнал. 2001. № 2 (25). URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-2/47.htm> (дата обращения: 21.05.2018).
3. Васильев В. И. Селькупы. Основные этапы этнической истории // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 311–316.
4. Гемуев И. Н., Соловьев А. И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. С. 39–54.
5. Иванов В. В. Кузнец // Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. Т. 2. С. 21–22.
6. Лукина Н. В. Мансийские фольклорные тексты в архивном фонде В. Н. Чернецова // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 2. С. 101–113.
7. Мифология селькупов / Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Тучкова Н. А., Ким-Малони А. А., Глушков С. В., Байдак А. В. Томск: ТГУ, 2004. 380 с.
8. Пелих Г. И. К истории селькупского шаманства (по материалам солярного культа) // Труды ТГУ. Томск: ТГУ, 1964. Т. 167. С. 132–144.
9. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
10. Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: ТГУ, 1998. 79 с.
11. Попова С. А. Мифоритуальные представления северных манси о водных духах Вит Хõн и Вит Хõн а́ги // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 155–162.
12. Прокофьев Г. Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1930. Т. II. С. 365–373.
13. Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 18. С. 88–107.
14. Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник. Музея антропологии и этнографии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 335–375.
15. Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. Т. 33. С. 66–79.
16. Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 20. С. 54–74.
17. Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
18. Соколова З. П. Чохрын ойка // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского округа. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000. Т. 2. С. 317.

19. Степанова О. Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник. 2006. № 8. С. 52–55.
20. Степанова О. Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2. С. 124–131.
21. Степанова О. Б. Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2004, 2005 и 2008 гг. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2012. Вып. 12. С. 5–31.
22. Степанова О. Б. Фольклор северных селькупов: полевые сборы 2012 г. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2018. Вып. 18. С. 6–23.
23. Eliade M. Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. London: Routledge and Kegan Paul, 1964. 610 p.
24. Güterbock G. G. Hittite Religion // *Forgotten Religions*. N. Y.: Perm, 1950. pp. 81–109.
25. Hornung E. Conceptions of God in Ancient Egypt. The One and the Many. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1996. 296 p.
26. Levi-Strauss C. La voie des masques. Geneve: Skira, 1975. 147 p.
27. Wertime T. A. Pyrotechnology: man's first industrial uses of fire // *American scientist*. 1973. no. 61 (6). pp. 670–682.

References

1. Baulo A. V. *Syokhring-oyka* [Syokhryng-Ojka]. *Mifologiya mansi* [Mythology of the Mansi]. Novosibirsk: IEA SO RAN Publ., 2001. pp. 129–132. (In Russian)
2. Vasilyev V. E. «Khan pervym udaryal molotom po nakoval'ne...» O triade «kuznets – shaman – voin» [«Khan was the first who hit the anvil with a hammer ...» About the triad «blacksmith – shaman – warrior»]. *ILIN. Istoricheskij kul'turologicheskij zhurnal* [Historical cultural journal], 2001, no. 2 (25). Available at: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2001-2/47.htm> (accessed May 21, 2018). (In Russian)
3. Vasilyev V. I. *Sel'kupy. Osnovnyye etapy etnicheskoy istorii* [The Selkups. The main stages of ethnic history]. *Narody Zapadnoy Sibiri. Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nenzy. Enzy. Nganasany. Kety* [Peoples of Western Siberia. Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]. Moscow: Nauka Publ., 2005. pp. 311–316. (In Russian)
4. Gemuev I. N., Solovyov A. I. *Strely sel'kupov* [Arrows of the Selkups]. *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. pp. 39–54. (In Russian)
5. Ivanov V. V. *Kuznets* [A blacksmith]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. Vol. 2. pp. 21–22. (In Russian)
6. Lukina N. V. *Mansiyskiye fol'klornyye teksty v arkhivnom fonde V. N. Chernetsova* [Mansi folklore texts in the archive collection of V. N. Chernetsov]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 2, pp. 101–113. (In Russian)
7. Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Tuchkova N. A., Kim-Maloni A. A., Glushkov S. V., Baydak A. V. *Mifologiya sel'kupov* [Mythology of the Selkups]. Tomsk: TSU Publ., 2004. 380 p. (In Russian)
8. Pelikh G. I. *K istorii sel'kupskogo shamanstva (po materialam solyarnogo kul'ta)* [To the history of Selkup shamanism (based on the materials of the solar cult)]. *Trudy TGU* [Works of TSU]. Tomsk: TGU Publ., 1964. Vol. 167. pp. 132–144. (In Russian)
9. Pelikh G. I. *Materialy po sel'kupskomu shamanstvu* [Materials on Selkup shamanism]. *Etnografiya Severnoy Azii* [Ethnography of the North Asia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. pp. 5–70. (In Russian)
10. Pelikh G. I. *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk: TGU Publ., 1998. 79 p. (In Russian)
11. Popova S. A. *Miforitual'nyye predstavleniya severnykh mansi o vodnykh dukhakh Vit Khōn i Vit Khōn Āgi* [Mythoritual views of the Northern Mansi about the water spirits Vit Khōn and Vit Khōn Āgi]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (1), pp. 155–162. (In Russian)
12. Prokofyev G. N. *Tseremoniya ozhivleniya bubna u ostyako-samoyedov* [Ceremony of reviving of a tambourine among the Ostyak-Samoyeds]. *Izvestia LGU* [News of the LSU]. Leningrad: Izd. LGU Publ., 1930. Vol. 2. pp. 365–373. (In Russian)
13. Prokofyeva E. D. *K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya)* [To the question about the social organization of the Selkups (genus and phratry)]. *Sibirskij etnograficheskij sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1952. Vol. 18. pp. 88–107. (In Russian)
14. Prokofyeva E. D. *Kostyum sel'kupskogo (ostyako-samoyedskogo) shamana* [Costume of a Selkup (Ostyak-Samoyed) shaman]. *Sbornik Muzeya antropologii i archeologii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1949. Vol. 11. pp. 335–375. (In Russian)
15. Prokofyeva E. D. *Nekotoryye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov* [Some religious cults of the Taz

Selkups]. *Pamyatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Monuments of culture of the peoples of Siberia and the North (the second half of XIX – beginning of XX centuries.)]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. Vol. 33. pp. 66–79. (In Russian)

16. Prokofyeva E. D. *Predstavleniya sel'kupskich shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam sel'kupov)* [Representations of Selkup shamans about the world (based on the drawings and watercolors of the Selkups)]. *Sbornik Muzeya antropologii i archeologii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1961. Vol. 20. pp. 54–74. (In Russian)

17. Prokofyeva E. D. *Staryye predstavleniya sel'kupov o mire* [Old representations of the Selkups about the world]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in religious representations of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka Publ., 1976. pp. 106–128. (In Russian)

18. Sokolova Z. P. *Chokhryn oyka* [Chokhryn ojka]. *Yugoriya. Entsiklopediya Khanty-Mansiyskogo okruga*. [Yugoria. Encyclopedia of Khanty-Mansiysk Okrug]. Khanty-Mansiysk: Socrat Publ., 2000. Vol. 2. pp. 317. (In Russian)

19. Stepanova O. B. *Zlaya ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskom obraze sel'kupov* [Evil or kind: to the question about the main mythological image of the Selkups]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2006, no. 8, pp. 52–55. (In Russian)

20. Stepanova O. B. *Severnyye sel'kupy: sistema traditsionnykh vzglyadov v zerkale odnogo interv'yua* [The Northern Selkups: the system of traditional views in the mirror of one interview]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2014, no. 2, pp. 124–131. (In Russian)

21. Stepanova O. B. *Fol'klor severnykh sel'kupov: polevyye sbory 2004, 2005 i 2008 gg.* [Folklore of the Northern Selkups: field works in 2004, 2005, and 2008]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Materials of field research of the MAE of the RAS]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2012. Iss. 12. pp. 5–31. (In Russian)

22. Stepanova O. B. *Fol'klor severnykh sel'kupov: polevyye sbory 2012 g.* [Folklore of the Northern Selkups: field works in 2012]. *Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN* [Materials of field research of the MAE of the RAS]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 2017. Iss. 17. pp. 37–67. (In Russian)

23. Eliade M. *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. London: Routledge and Kegan Paul, 1964. 610 p. (In English)

24. Güterbock G. G. Hittite Religion. *Forgotten Religions*. N. Y.: Perm, 1950. pp. 81–109. (In German)

25. Hornung E. *Conceptions of God in Ancient Egypt. The One and the Many*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1996. 296 p. (In English)

26. Levi-Strauss C. *La voie des masques*. Geneve: Skira, 1975. 147 p. (In French)

27. Wertime T. A. Pyrotechnology: man's first industrial uses of fire. *American scientist*, 1973, no. 61 (6), pp. 670–682. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Степанова Ольга Борисовна, научный сотрудник отдела Сибири, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 3), кандидат исторических наук.

stepanova67@mail.ru

ORCID.ORG 0000-0002-2130-2695

ABOUT THE AUTHOR:

Stepanova Olga Borisovna, Researcher, Department of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (199034, Russian Federation, Saint-Petersburg, Universitetskaya emb., 3), Candidate of Historical Sciences.

stepanova67@mail.ru

ORCID.ORG 0000-0002-2130-2695